Письма изъ Германіи

НѢМЕЦКАЯ ПЕЧАТЬ ОБЪ АНГЛО-СОВѢТСКИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

Англо-совѣтскій разрывъ очень взволновалъ нѣмецкую печать всѣхъ направленій. Она не вѣрила въ возможность такого конца до самаго послѣдняго момента. Возлагались надежды на стойкость Чемберлэна, на уравновѣшенность Болдвина, на дружескіе совѣты Бріана, на вліяніе заинтересованнаго въ дѣлахъ съ совѣтами Сити, на энергію Рабочей партіи, пріѣздъ Макдональда и т. д. Когда всѣ эти надежды рухнули и произошло событіе, названное лондонскимъ корреспондентомъ «Берлинеръ Тагеблаттъ» «наиболѣе трагическимъ со времени войны», вся нѣмецкая пресса заговорила о необходимости строжайшаго нейтралитета Германіи. «Мы находимся въ предѣлахъ возможнаго обстрѣла. Только путемъ строжайшаго нейтралитета можемъ мы уменьшить опасность, угрожающую міру вслѣдствіе столкновенія Англіи и СССР». «Локарно и Рапалло — вотъ основныя вѣхи нашей политики, и мы должны неизмѣнно слѣдовать имъ». Этими и подобными заявленіями покрыты столбцы нѣмецкихъ газетъ.

При распредѣленіи вины за происшедшее, львиная часть возлагается на долю Англіи. Большевики, — невозмутимо говорятъ нѣмецкія газеты, — дѣлали въ Англіи только то, что они дѣлаютъ всегда и всюду. Англичане же нарушили и торговый договоръ, и дипломатическія традиціи, и даже «завѣты цивилизаціи». Все же желая, вѣроятно, и въ отзывахъ своихъ сохранить нейтралитетъ, нѣмецкая пресса пользуется случаемъ, чтобы сказать и большевикамъ цѣлый рядъ непріятныхъ вещей и установить точно, какъ вреденъ разрывъ съ Англіей для интересовъ СССР. «Наши особенныя дружественныя отношенія съ совѣтской республикой — пишетъ Пауль Шеферъ, — заставляютъ насъ говорить въ эту критическую минуту всю правду».

И дѣйствительно, газеты всѣхъ направленій говорятъ ту или иную правду. Я приведу только отзывы наиболѣе совѣтолюбивыхъ органовъ. «Слабость позиціи совѣтской власти въ этомъ вопросѣ, — пишетъ «Дейтче Аллгемейне Цейтунгъ», — состоитъ въ томъ, что **ни одно государство не можетъ позволить вмѣшиваться въ его внутреннія дѣла такъ, какъ это привыкли дѣлать Совѣты**». «Совѣты должны понять, что нельзя до безконечности замаскировывать своихъ вождей, поочередно то членами правительства, то членами III Интернаціонала. Наглость, съ которой Зиновьевъ сожалѣлъ, что не удалось установить коммунистическую власть въ Саксоніи и Тюрингіи, не можетъ быть оправдываема снисходительнымъ пожиманіемъ плечей и словами: кто же считается съ этими людьми изъ III Интернаціонала» («Кельнише Цейтунгъ»). «Очень смѣло и пригодно только для домашняго монополизированнаго употребленія утвержденіе, распространяемое въ СССР, — пишетъ корреспондентъ «Берл. Тагебл.» Шеферъ, — что Англія своимъ истерическимъ поступкомъ причинила себѣ большій вредъ, чѣмъ СССР. Вывозъ изъ Англіи въ Россію въ 1925 г. составлялъ всего 2 проц. всей англійской торговли. Въ 1926 году это процентное отношеніе, вѣроятно, еще понизилось, такъ какъ общая сумма англійскаго вывоза въ Россію уменьшилась. Вывозъ же изъ Россіи въ Англію во второй половинѣ 1926 года составлялъ 27 проц. всего вывоза. **Для Англіи разрывъ — только обломанная вѣточка; для СССР — ударъ по стволу**».

Въ одной изъ телеграммъ тотъ же Шеферъ говоритъ: «въ Кремлѣ очень озабочены происшедшимъ, и тамъ идутъ непрерывныя засѣданія. — Населеніе же проявляетъ прямо таки поражающія незнанія и равнодушіе къ происходящимъ важнымъ событіямъ». «Розовый оптимизмъ, съ которымъ для внутренняго употребленія трактуется на стобнахъ совѣтской прессы разрывъ съ Англіей не можетъ скрыть того, что въ Москвѣ прекрасно понимаютъ важность и серьезность положенія, — пишетъ корреспондентъ «Фоссише Цейтунгъ». Если бы дѣло обстояло такъ просто, какъ утверждаютъ совѣты, то они не старались бы съ чисто ангельскимъ терпѣніемъ, и махнувъ рукой на всѣ соображенія престижа уладить лондонскій инцидентъ». Лѣворадикальный публицистъ фонъ-Герлахъ, въ статьѣ «Совѣтская звѣзда меркнетъ» съ неожиданной рѣзкостью говоритъ о пріѣздѣ Чичерина въ Берлинъ, гдѣ онъ, по его мнѣнію, не найдетъ больше привычной благопріятной обстановки, въ виду исчезновенія съ политической сцены генерала фонъ-Зекта. Теодоръ Вольфъ называетъ совѣтскую политику «непрезойденной глупостью», въ которой «смѣшивалось стремленіе наладить отношенія и пропаганда». Меньше всего занятъ англо-совѣтскимъ конфликтомъ «Форвертсъ». Соціалъ-демократы опредѣлили свое отношеніе къ вопросу, заявивъ на Кильскомъ съѣздѣ устами спеца по иностранной политикѣ Брайтшейда: «нѣтъ цѣны, за которую мы стали бы на фронтѣ, враждебномъ СССР». Но отношенія соціалъ-демократовъ съ коммунистами такъ плохи, что у «Форвертса» нѣтъ никакой охоты выступать въ защиту СССР, и онъ предпочитаетъ отмалчиваться и вы слушивать отъ «Роте Фане» обвиненія въ «бѣлогвардейщинѣ», «имперіализмѣ» и подготовкѣ войны вмѣстѣ съ Чемберлэномъ.

Очень усердно обсуждается также въ нѣмецкой печати вопросъ о возможномъ вліяніи разрыва на измѣненіе политики совѣтскаго правительства и междупартійныя отношенія коммунистовъ. Шеферъ, по извѣстной его близости къ совѣтскимъ сферамъ, вѣроятно, наиболѣе освѣдомленный изъ всѣхъ европейскихъ корреспондентовъ, пишетъ, что «подъ вліяніемъ создавшейся обстановки предполагается выбросить извѣстное количество балласта, подъ каковымъ разумѣется исключительно хозяйственныя, отнюдь не политическія уступки заграницѣ. Въ самой партіи еще далеко до согласія по вопросу о цѣлесообразности такого курса». Штейнъ, корреспондентъ «Фоссише Цейтунгъ» пишетъ: «коммунистическая партія, этотъ самодержавный хозяинъ СССР примирится со всякимъ хозяйственнымъ кризисомъ, но не сдѣлаетъ ни одного шага, способнаго поколебать ее диктатуру, съ существованіемъ которой связаны ея идущія далеко за предѣлы Россіи и даже настоящей эпохи, цѣли». Тотъ же корреспондентъ считаетъ, что разрывъ съ Англіей сильно укрѣпитъ положеніе оппозиціи. Правительство уже считается съ этимъ, и поэтому въ день декларацiи Болдвина Зиновьеву былъ воспрещенъ входъ на засѣданіе исполнительнаго комитета Коминтерна.

«Несмотря на всѣ трудности, компромиссъ не невозможенъ. Поэтому онъ долженъ быть сдѣланъ возможнымъ», — заканчиваетъ Шеферъ свою длинную, болѣе, чѣмъ когда либо откровенную статью. Въ этомъ желаніи компромисса и въ надеждѣ на него — нѣмецкая печать также единодушна.

А. Бунге.

Въ Совѣтской Россіи

ЛИКВИДАЦІЯ МОЛОГОЛѢСА

Въ Петербургѣ приступила къ работѣ междувѣдомственная комиссія по ликвидаціи Мологолѣса. Со стороны совѣтовъ въ комиссію входитъ Юровскій, Левинъ, Мусатовъ и др. Со стороны нѣмцевъ статсъ-секретарь Геммеръ. Комиссія должна составить окончательный балансъ для расчета съ правленіемъ Мологолѣса въ шестинедѣльный срокъ.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

«Вечерняя Москва» сообщаетъ, что главнаука опротестовала постановленіе калужскаго губисполкома о ликвидаціи «музея-монастыря» Оптина пустынь. Мотивъ протеста — связанность пустыни съ именами Гоголя, Достоевскаго и Толстого.

БОЛѢЗНЬ А. Ф. КОНИ

«Правда» 31 мая сообщаетъ о серьезномъ заболѣваніи академика А. Ф. Кони. У него воспаленіе легкихъ въ тяжелой формѣ.

ЗДОРОВЬЕ АКАД. ПАВЛОВА

Операція, сдѣланная И. П. Павлову, по сообщенію «Правды» (31 мая) прошла благополучно. Операцію (извлеченіе камней изъ желчнаго протока) дѣлалъ проф. Мартыновъ, при участіи профессоровъ Грекова и Федорова. Послѣ операціонное теченіе удовлетворительно. Самочувствіе больного хорошее.

ПОХОРОНЫ ХУДОЖНИКА КУСТОДІЕВА

Въ Петербургѣ состоялись похороны Д. М. Кустодіева на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Зимой въ русскомъ музеѣ будетъ устроена посмертная выставка картинъ Кустодіева.

КОМАНДИРОВКА ФРИЧЕ

Извѣстный коммунистическій литературный спецъ Фриче выѣзжаетъ въ Германію и Италію для «научной работы въ области исторіи и соціологіи искусства».

НАЗНАЧЕНІЕ СЛАВИНА

Коммунистъ Іосифъ Гольденфарбъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Славина, назначенъ замѣстителемъ начальника ПУР красной арміи. Славинъ — уроженецъ Бѣлой Церкви, родился въ 1893 году и съ 19 лѣтъ примкнулъ къ подпольнымъ организаціямъ большевиковъ. Призванный въ 1913 на военную службу Славинъ участвовалъ въ войнѣ въ качествѣ нижняго чина, въ 1915 году сдался въ плѣнъ и прошелъ въ Германіи курсы для революціонныхъ агитаторовъ. Въ 1917 году вмѣстѣ съ Ленинымъ былъ отправленъ въ Россію. Съ 1923 г. Славинъ непрерывно работалъ въ политическихъ учрежденіяхъ красной арміи. Занятая имъ нынѣ должность — одна изъ самыхъ вліятельныхъ въ красной арміи.

(Русспрессъ).

НАПАДЕНІЕ НА ПОНТОННЫЙ ПОСТЪ

Изъ Кіева сообщаютъ, что неизвѣстныя лица пытались произвести ночью нападеніе на постъ № 3 понтоннаго баталіона. Часовой Скрадовъ былъ раненъ нападавшими и скончался въ больницѣ отъ полученныхъ ранъ. (Русспрессъ).

НАВОДНЕНІЕ ВЪ АСТРАХАНИ

«Правда» (1-го іюня) сообщаетъ, что прибыль воды въ Астрахани принимаетъ угрожающіе размѣры. Во всей губерніи объявлена трудовая и гужевая повинность.

КОМИНТЕРНЪ О ТРОЦКОМЪ

«Правда» (31 мая) сообщаетъ обстоятельную резолюцію о выступленіи Троцкаго и Вуйовича на пленарномъ засѣданіи ИККИ. По словамъ этой резолюціи «тов. Троцкій съ безпримѣрной рѣзкостью повторилъ выпады оппозиціоннаго блока противъ Ленинской линіи во всѣхъ основныхъ вопросахъ революціи». Основные признаки этой «линіи», которую въ засѣданіи пленума ИККИ отстаивали Троцкій и Вуйовичъ и съ которой «всецѣло солидаризировались Зиновьевъ и Радекъ» таковы. Во-первыхъ, троцкисты дискредитируютъ борьбу Коминтерна съ опасностью войны. Троцкій прямо заявилъ, что опасность не въ войнѣ, а въ «опаснѣйшей изъ всѣхъ опасностей» — партійномъ режимѣ, и проповѣдуетъ «реакціонное пораженчество». Во-вторыхъ, Троцкій невѣрно оцѣниваетъ китайскую революцію и занимается пораженческимъ использованіемъ ея неудачъ, «въ цѣляхъ распространенія мелкобуржуазно-ликвидаторскихъ, паническихъ настроеній». Въ третьихъ, Троцкій общается съ исключенными изъ партіи ренегатами группы Маслова-Руфь Фишеръ и снабжаетъ ихъ «Информаціонный бюллетень» матеріаломъ, тѣмъ самымъ освѣдомляя классовыхъ враговъ партіи о «сокровеннѣйшихъ» дѣлахъ ея. «Союзъ троцкистовъ съ ренегатами типа Маслова пріобрѣтаетъ сугубо дезорганизаторское значеніе въ виду того факта, что группа Маслова приступаетъ къ изданію анти-коммунистической ежедневной газеты, подготовляетъ созданіе отдѣльной, враждебной Коминтерну партіи и добивается созданія контръ-революціоннаго IУ-го Интернаціонала». Въ четвертыхъ, Троцкій опирается на «анархо-синдикалистскіе элементы» и тѣмъ, въ моментъ непосредственной опасности войны, идетъ въ разрѣзъ съ тактикой единаго фронта, ибо международный анархо синдикализмъ «самыми грязными средствами, на сторонѣ наихудшихъ бѣлогвардейцевъ борется противъ Коминтерна и Совѣтскаго Союза». Наконецъ, въ пятыхъ, Троцкій дискредитируетъ Коминтернъ, упрекая его «въ національно-консервативной ограниченности».

Резолюція заявляетъ, что Троцкій пытается прикрыть свои «меньшевицкіе» выпады «флеромъ мнимо-радикальныхъ лѣвыхъ фразъ». Она подчеркиваетъ, что «т.т. Троцкій и Вуйовичъ пытались сорвать работу пленарнаго засѣданія ИККИ, безпрестанно распространяя враждебный партіи фракціонный матеріалъ, пытаясь систематически нарушать работу пленарнаго засѣданія и прибѣгая къ другимъ дезорганизаторскимъ дѣйствіямъ». Указывая на исключительную трудность момента, («свирѣпое наступленіе всѣхъ силъ реакціи на Коминтернъ») резолюція утверждаетъ, что нынѣшняя обстановка «властно диктуетъ» необходимость отбить атаку отъ оппозиціоннаго блока. «Коминтернъ сознаетъ свою обязанность неумолимо и окончательно ликвидировать какъ это ультра-лѣвое соціалъ-демократическое теченіе, такъ и не прекращающіеся враждебные выпады этой группы обанкротившихся вождей, все болѣе и болѣе удаляющихся отъ пролетарскаго движенія». Резолютивная часть постановленія пленарнаго засѣданія ИККИ сводится къ категорическому запрещенію Троцкому и Вуйовичу всякаго продолженія фракціонной борьбы, къ уполномочію президіума исключить Троцкаго и Вуйовича изъ ИККИ, если эта борьба не будетъ прекращена и къ предложенію центральному комитету партіи «принять рѣшительныя мѣры къ охраненію ВКП (б) отъ фракціонной борьбы т.т. Троцкаго и Зиновьева».

Въ Извѣщеніи о работахъ пленума ИККИ, подписанномъ его политсекретаріатомъ въ обоснованіе этой рѣшительной резолюціи сообщается, что своимъ выступленіемъ въ пленумѣ, оппозиція нарушила обѣщаніе прекратить фракціонную борьбу. Въ Извѣщеніи повторяется фраза Троцкаго, которая отнынѣ станетъ крылатой: «Уже послѣ разрыва между Англіей и СССР тов. Троцкій заявилъ на пленумѣ, что величайшей опасностью изъ всѣхъ опасностей является въ настоящее время внутри - партійный режимъ, т. е. на дѣлѣ большевицкая дисциплина ВКП и Коминтерна». По утвержденію этого Извѣщенія «оппозиція находится на грани разрыва съ Коминтерномъ».

Что касается текста резолюціи, то она, оказывается, публикуется съ нѣкоторыми пропусками «въ силу тѣхъ условій, которыя въ рядѣ странъ создаетъ террористическій режимъ буржуазіи (!?)».

Ни одна изъ делегацій не поддержала Троцкаго и Вуйовича и всѣ рѣшенія приняты единогласно противъ одного лишь голоса Вуйовича.

Этотъ, отнынѣ знаменитый, человѣкъ былъ секретаремъ такъ называемаго КИМ-а (Коммунистическій Интернаціоналъ Молодежи) и былъ лишенъ секретарства за принадлежность къ оппозиціи. По національности онъ сербъ.

Маленькій фельетонъ

ЖАЛОБНАЯ КНИГА

Итакъ, въ дни октябрьскихъ торжествъ текущаго года въ Москвѣ будутъ устроены спеціальныя «будки воспоминаній».

Заходя въ нихъ, любой гражданинъ можетъ въ особую книгу вписать самое интересное, что у него сохранилось въ памяти объ октябрѣ 17-го года,

И если воспоминанія окажутся имѣющими соціалистическую цѣнность, ихъ будутъ опубликовывать въ совѣтскихъ изданіяхъ.

Изобрѣтатели будокъ предполагаютъ, очевидно, что подобныя мемуарныя записи мало чѣмъ будутъ отличаться отъ альбомовъ съ панегириками совѣтской власти.

Имъ представляется, должно быть, что восторженный обыватель, сообщая интересные историческіе факты, обязательно станетъ заканчивать книгу объясненіями въ любви Совнаркому:

«Кто любитъ болѣе тебя
Пусть пишетъ далѣе меня».

Но оправдаются ли на практикѣ расчеты устроителей будокъ? Конечно, если къ каждой книгѣ будетъ приставленъ чекистъ, а у входа въ павильонъ расположатся милиціонеры, тогда дѣло другое. Тогда будетъ фигурировать и «кто любитъ болѣе меня» и многое другое, не менѣе цѣнное:

«На послѣднемъ я листочкѣ
Напишу четыре строчки
И въ знакъ памяти святой
Ставлю точку съ запятой».

Однако, при отсутствіи возлѣ книги чекиста и при свободномъ пропускѣ въ павильонъ безъ осмотра документовъ милиціонерами, картина можетъ получиться совершенно иная. Вмѣсто пріятныхъ воспоминаній публика, вдругъ, пишетъ въ будочныхъ книгахъ чортъ знаетъ что. И изъ альбома съ восхваленіемъ совѣтовъ неожиданно сдѣлаетъ жалобную книгу:

Напримѣръ:

«Ѣдучи десятый годъ въ совѣтскомъ тарантасѣ, съ меня слетѣла послѣдняя дурь».

«Въ разсужденіи чего бы повкуснѣе покушать, я принималъ въ 17-мъ году дѣятельное участіе въ революціи. Однако, кромѣ чечевичной похлебки до сихъ поръ ничего получить не могу. Свинство».

«Лопай, что даютъ!»

«Господа! А Сосо Джугашвили ишакъ!».

«И Рыковъ — пьяница».

«Братцы! И чего, это, вы расписались? Развѣ не знаете, что не тронь...!

«Эхъ, ...»

«Присоединяюсь къ лозунгу».

«Десять лѣтъ назадъ въ разсужденіи мира хижинамъ и войны дворцамъ мы проливали свою драгоцѣнную кровь, полагая, что дворцы будутъ наши. А гдѣ дворцы? Какъ раньше жили въ нихъ незнакомыя личности, такъ живутъ и ссейчасъ. Только профиль другой».

«Товарищи! Не вспомнить ли завѣты Ильича и не начать ли дѣло сначала?»

«А ну, попробуй, дурья голова».

«Граждане, пока насъ всего 150 милліоновъ, рано затѣвать такое опасное дѣло. Вотъ подождемъ, подрастутъ дѣтки и вырастутъ внуки, будетъ въ Россіи 300 милліоновъ, тогда и начнемъ. А развѣ теперь можно? Съ этакой горсточкой?»

«Нѣтъ, братцы, безъ интригенціи англичанъ все равно никакъ не обойтись, это будьте спокойны. И чего только они не идутъ, черти, ослобонить христіанскій народъ? Сидятъ у себя дома на печкѣ и ничего не дѣлаютъ, сволочи!».

«Извѣстное дѣло — англичанка. Ей кабы только свой интересъ охранить, а на чужую гордость — наплевать съ высокаго дерева. Всегда такъ было и будетъ!».

«А вы сами что: быдло? Навозъ? Не можете взять въ руки винтовку и прогнать мразь изъ Кремля?»

«Начинай ты, а мы за тобой. Подпиши только фамилію, чтобы знать, за кѣмъ итди».

«Товарищи! И что вы пишите здѣсь, всякія дурацкія фигли-мигли? И чего вы чипляетесь къ нашимъ вождямъ? Пока они не освободили отъ рабства китайцевъ, малайцевъ, негровъ, арабовъ и всего пролетарскаго міра, развѣ можно думать насчетъ измѣненія совѣтскаго строя? Совсѣмъ даже наоборотъ! Да здравствуетъ міровая революція! Да, здравствуетъ совѣтская власть! Съ почтеніемъ Ивановъ Седьмой».

«Знаемъ мы такихъ подлеповъ. Хоть ты и Ивановъ Седьмой, а навѣрно псевдонимъ».

А. Ренниковъ.

КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ДѢЛА

«Правда» сообщаетъ, что въ Кіевѣ разсматривалось дѣло контръ-революціонной организаціи, во главѣ которой стоялъ Голубевъ-Сиверскій, который яко бы самъ принадлежалъ къ организаціи русскаго національнаго союза, имѣющаго мѣстопребываніе въ Парижѣ. Голубевъ, по утвержденію «Правды», былъ яко бы представителемъ Варшавскаго Отдѣленія этой организаціи, имѣющаго во главѣ нѣкоего Орлова. Голубевъ былъ отправленъ на Украину для собиранія «шпіонскаго» матеріала и для распространенія бѣлыхъ газетъ. Въ Кіевѣ Голубевъ связался съ рядомъ лицъ, которые помогли ему печатать воззванія и собирать матеріалы. Голубевъ былъ арестованъ во время приготовленія къ отъѣзду. Судъ приговорилъ всѣхъ членовъ организаціи къ заключенію на разные сроки отъ 1-го до 10 лѣтъ.

***

Въ томъ же судѣ по другому дѣлу главнымъ обвиняемымъ, какъ сообщаютъ «Извѣстія» (31 мая), выступаетъ «шпіонъ» Бондарчукъ. Онъ, яко бы, по заданіямъ французской миссіи въ Варшавѣ, нѣсколько разъ переходилъ границу и доставлялъ матеріалы шпіонскаго характера. Въ послѣднюю свою поѣздку Бондарчукъ связался съ рядомъ лицъ для полученія матеріаловъ военнаго характера, но былъ арестованъ. Бондарчукъ приговоренъ къ разстрѣлу, а пособники его къ разнымъ срокамъ заключенія.

Той же газетѣ сообщаютъ изъ Проскурова, что приговоренъ къ разстрѣлу польскій шпіонъ Каликовичъ, нѣсколько разъ, по порученію польской дефензивы, переходившій польскую границу.

***

Изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу бывшаго Атамана Сибирскаго Казачьяго войска и командующаго семирѣченской арміей генерала Бориса Анненкова и его начальника штаба генерала Денисова «Правда» сообщаетъ, что, между прочимъ, въ Китаѣ, куда Анненковъ эвакуировался, онъ былъ арестованъ китайцами за вооруженный конфликтъ съ китайскими войсками и просидѣлъ въ тюрьмѣ три года. Шанхайскія и сѣверокитайскія бѣлогвардейскія организаціи, узнавъ объ его мѣстопребываніи неоднократно обращались къ нему съ предложеніемъ — возглавить вооруженную борьбу противъ СССР. Такія же предложенія поступали, якобы, къ Анненкову и со стороны англичанъ, а также и другихъ иностранныхъ государствъ, на средства которыхъ, якобы, по признанію Анненкова и Денисова, содержались бѣлогвардейскія организаціи въ Китаѣ.

— Въ Мюнхенѣ арестовано шесть молодыхъ людей, обвиняемыхъ въ сожженіи республиканскаго флага.

— Въ присутствіи короля Александра, въ Нишѣ открытъ памятникъ сербскому воеводѣ Стефану Синджелиху, погибшему во главѣ 300 добровольцевъ, во время экспедиціи противъ турокъ въ 1809 году.

Окаянные дни

МОСКВА, 1918 Г.

24 февраля.

На-дняхъ купилъ фунтъ табаку и, что бы онъ не сохъ, повѣсилъ на веревочкѣ между рамами, между фортками. Окно во дворъ. Нынче въ шесть утра что-то рразъ! въ стекла. Вскочилъ и вижу: на полу у меня камень, стекла пробиты, табаку нѣтъ, а отъ окна кто-то улираетъ во всю прыть. — Вездѣ грабежъ.

Перистыя облака, порою солнце, синіе клоки лужъ... Весна, весна!

Въ домѣ напротивъ насъ молебствіе, принесли икону «Нечаянной Радости», поютъ священники. Очень странно кажется это теперь. И очень трогательно. Многіе горячо плакали.

Опять долбятъ, что среди большевиковъ много монархистовъ и что вообще весь этотъ большевизмъ устроенъ для возстановленія монархіи. Опять чепуха, сочиненная, конечно, самими-же большевиками.

Савичъ и Алексѣевъ будто бы сейчасъ въ Псковѣ, «формируютъ правительство».

Звонятъ изъ «Власти Народа»: дайте 60-42. Соединяютъ. Но телефонъ, оказывается, занятъ — и «Власть Народа» неожиданно подслушиваетъ разговоръ коменданта съ президіумомъ:

— У меня пятнадцать офицеровъ и адъютантъ Каледина. Что дѣлать?

— Немедленно разстрѣлять!

Про анархистовъ: необыкновенно будто бы веселые и любезные люди; большевицкій Совѣтъ ихъ весьма боится; глава — Бармашъ, вполнѣ сумасшедшій кавказецъ.

Въ Севастополѣ «атаманъ» матросовъ — нѣкто Ривкинъ, аршинъ ростомъ, клоками борода; участвовалъ во многихъ ограбленіяхъ и убійствахъ; «нѣжнѣйшей души человѣкъ». Да, не жизнь, а дикій сонъ!

Очень многіе, въ томъ числѣ Кускова, всегда дѣлаютъ теперь видъ, что будто имѣютъ такія свѣдѣнія, которыхъ ни у кого нѣтъ.

Въ кофейнѣ Филиппова видѣли будто бы Адріанова, бывшаго московскаго градоначальника. Онъ будто одинъ изъ главнѣйшихъ тайныхъ совѣтниковъ въ Совѣтѣ рабочихъ депутатовъ!

25 февраля.

Юрка Саблинъ, — командующій войсками! Двадцатилѣтній мальчишка, спеціалистъ по кэкъ уоку, конфетно - хорошенькій... Давно-ли я съ нимъ Новый годъ встрѣчалъ!

Слухъ (отъ Вырубова): союзники — теперь уже не союзники! — вошли въ соглашеніе съ нѣмцами, поручили имъ навести порядокъ въ Россіи.

Опять какая то манифестація, знамена, плакаты, музыка — и кто въ лѣсъ, кто по дрова, въ сотни глотокъ:

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

Голоса утробные, первобытные — и страшно лѣнивые. Морды у женщинъ чувашскія, мордовскія, у мужчинъ всѣ, какъ на подборъ, преступныя, иныя прямо сахалинскія.

Римляне ставили на лица своихъ каторжниковъ клейма: «Cave furem, берегись вора!» На эти лица ничего не надо ставить, — и безъ всякаго клейма все видно.

И причемъ тутъ Марсельеза, гимнъ тѣхъ самыхъ французовъ, которымъ только что измѣнили самымъ подлымъ образомъ!

26 февраля.

Не то мужикъ, не то рабочій, вслухъ разбираетъ на углу Поварской объявленіе о газетѣ «Вечерній Часъ», читаетъ имена сотрудниковъ. Прочиталъ и сказалъ:

— Все одна сволочь. Прославились!

Изъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей»: Троцкій — нѣмецкій шпіонъ, былъ сыщикомъ при нижегородскомъ охранномъ отдѣленіи и т. д. Это опубликовалъ въ «Правдѣ» Стучка, по злобѣ на Троцкаго.

27 февраля.

Опять праздникъ, чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки — годовщина революціи. Но народу нигдѣ нѣтъ, и вовсе не потому, что опять нынче зима и мятель. Просто уже надоѣдаетъ.

Какая то дикая и жуткая ерунда: у насъ весь день самъ собой звонитъ, не умолкая, телефонъ и изъ него сыплется огонь!

«Разбѣгаются! Караханъ назначенъ посломъ въ Константинополь, Каменевъ — въ Берлинъ....»

Читали статейку Ленина. Ничтожная и жульническая — то интернаціоналъ, то «русскій національный подъемъ».

28 февраля.

Опять зима. Много снѣгу, солнечно, стекла домовъ весело блестятъ.

Вѣсти со Срѣтенки — нѣмецкіе солдаты заняли Спасскія казармы.

Въ Петербургъ будто бы вошелъ нѣмецкій корпусъ. Завтра будетъ декретъ о денаціонализаціи банковъ. Думаю, что опять таки, это все сами большевики насъ дурачатъ.

А телефонъ и нынче звонитъ — трещитъ, звенитъ и сыплетъ красныя огненныя искры!

1 марта.

Вечеръ у Ш.

Идя къ нему, видѣли Тесленко. Подъѣхалъ къ своему дому на красной площади. Пріостановились, поздоровались. Бодръ, говоритъ, что большевики заняты сейчасъ однимъ: «награбить, какъ можно больше денегъ, такъ какъ сами отлично знаютъ, что царствію ихъ конецъ».

У Ш., кромѣ насъ, Д. и А. Г.

Послѣднему разсказывалъ въ трамваѣ солдатъ: «Хожу безъ работы, пошелъ въ Совѣтъ Депутатовъ просить мѣста — мѣстъ, говорятъ, нѣту, а вотъ тебѣ два ордера на право обыска, можешь отлично поживиться. Я ихъ послалъ куда подалѣ, я честный человѣкъ,...»

Д. получилъ свѣдѣнія изъ Ростова: Корниловское движеніе слабо. А. Г. возражалъ: напротивъ, оно крѣпнетъ и растетъ. Д. прибавилъ: «Большевики творятъ въ Ростовѣ ужасающія звѣрства. Могилу Каледина разрыли, разстрѣляли 600 сестеръ милосердія...» Ну, если и не шетьсотъ, подумалъ я, то все таки, вѣроятно, порядочно. Не первый разъ нашему христолюбивому мужичку, о которомъ сами же эти сестры распустили столько легендъ, нещадно избивать ихъ и насиловать.

За чаемъ я бранилъ Гаршина: красный цвѣтокъ, въ которомъ сосредоточилось зло всего міра, помѣшательство на томъ, чтобы уничтожить его, — мелкая, дешево красивая, интеллигентска го благородства вещичка, сказалъ я. Д. горячо защищалъ и Гаршина, и народъ: «Нельзя (и особенно сейчасъ) видѣть въ немъ только отрицательныя черты... Эти звѣрства — возмездіе за прежнія звѣрства буржуазіи...» Почему это «особенно сейчасъ»? И какое вообще — «особенно сейчасъ» — книжное бездушіе — эта «объективность».

Говорятъ, что Москва будетъ во власти нѣмцевъ семнадцатаго марта. Градоначальникомъ будетъ Будбергъ.

Поваръ отъ Яра говорилъ мнѣ, что у него отняли все, что онъ нажилъ за тридцать лѣтъ тяжкаго труда, стоя по цѣлымъ ночамъ у плиты, среди девяностоградусной жары. «А Орловъ - Давыдовъ, — прибавилъ онъ, — прислалъ своимъ мужикамъ телеграмму, — я самъ ее читалъ: жгите, говоритъ, домъ, рѣжьте скотъ, рубите лѣса, оставьте только одну березку — на розги — и елку, чтобы было на чемъ васъ вѣшать»!

Слухъ, что въ Москвѣ нѣмцы организовали сыскное отдѣленіе; слѣдятъ будто за малѣйшимъ шагомъ большевиковъ, все отмѣчаютъ, все записываютъ...

Вѣсти изъ нашей деревни: мужики поджали хвостъ, возвращаютъ помѣщикамъ награбленное.

Въ послѣднемъ есть правда. Слышу и отъ народа на улицахъ:

— Нѣтъ, теперь даже солдаты стали въ портки пускать. То все бахвалялись, безпечничали, — пускай, молъ, придетъ, нѣмецъ, чортъ съ нимъ, — а теперь, какъ стало дѣло до серьезнаго доходить, здорово побаиваются. Большое, говорятъ, наказаніе будетъ, да и по дѣломъ, по правдѣ сказать: ужъ очень мы освинѣли.!

Да, если бы въ самомъ дѣлѣ повѣяло чѣмъ - нибудь «серьезнымъ», живо бы эта «стихійность великой русской революціи» присмирѣла! Какъ распоясалась деревня въ прошломъ году лѣтомъ, какъ жутко было жить въ Васильевскомъ! И вдругъ слухъ: Корниловъ ввелъ смертную казнь — и почти весь іюль Васильевское было тише воды, ниже травы. А въ маѣ, въ іюнѣ по улицѣ было страшно пройти, каждую ночь то тамъ, то здѣсь красное зарево пожара на черномъ горизонтѣ... У насъ зажгли однажды на разсвѣтѣ гумно и, сбѣжавшись всей деревней, орали, что это мы сами зажгли, чтобы сжечь деревню. А въ полдень — въ тотъ же день — запылалъ скотный дворъ сосѣда, и опять сбѣжались со всего села и хотѣли меня бросить въ огонь, крича, что это я поджегъ, и меня спасло только бѣшенство, съ которымъ я кинулся на эту озвѣрѣвшую, орущую толпу, осыпая ее градомъ матерныхъ словъ... А вотъ нѣсколько строкъ изъ моей записной книжки — ночь 27 іюня 17 года:

На половину вырубленный лѣсъ,
Высокія дрожащія осины
И розовая облачность небесъ:

Ночной порой изъ сумрачной лощины
Въѣзжаю на отлогій косогоръ
И вижу заалѣвшія вершины,
Съ таинственною нѣжностью, въ упоръ
Далекимъ озаренныя пожаромъ...

Остановясь, оглядываюсь: да,
Пожаръ! Но гдѣ? Опять у насъ, — недаромъ
Вчера былъ сходъ! — И крѣпко поводъ
Натягиваю, слушая неясный,
На дождь похожій, лепетъ вышнѣго
Такой дремотный, сладкій — и безстрастный
Къ тому, что тамъ [illegible] страшно